

Павел Александрович ВЕЛИКЖАНИН
 родился в одном из небольших городов Кузбасса.
 Печатался в литературных изданиях «Север»,
 «Наш современник», «Москва», «День и ночь»,
 «Роман-газета», «Крым», «Литературная газета» и др.
 Лауреат Южно-Уральской премии,
 премии «В поисках правды и справедливости»,
 премии «Российский писатель» и др.
 Также за творческую деятельность
 награжден почетным знаком
 «За вклад в развитие города Волжского» (2017)
 и Благодарственным письмом
 Волгоградской областной думы (2018).

**Павел
ВЕЛИКЖАНИН**
г. Волгоград

«До сих пор обжигает нас Вечный огонь...»

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД

Один, четыре – цифры две,
 Но если рядом встанут – горе.
 ... Одни – с плакатами в Москве,
 Другие – с планами на море.

И суеты круговорот
 Ни на мгновение не прерван...
 А мне четырнадцатый год
 Напомнил вдруг о сорок первом.

Заклятья вуду на беду
 Подняли свастику останков,
 И снова в дизельном чаду
 Жрут землю гусеницы танков,

И солнце, покачнувшись вдруг,
 Сползло с небес на крышу дома,
 Где ярче мегавольтных дуг
 Пылают линии разлома...

Тинейджер-век, забыв урок
 (А был тот – в соросовской школе?),
 Поймёт, когда придет молчок,
 Шипенье стихнет в кока-коле:

Лишь сок, идущий от корней,
 Желтушные излечит нервы,
 А прежних истин – нет верней,
 Как в сорок, так и в двадцать первом.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

До сих пор обжигает нас Вечный огонь,
 Словно глину сырую – живая ладонь.
 До сих пор светит нам, как последний маяк,
 В этом мире, где все перемешано так.

Мы идём по своим повседневным делам
 По аллеям, где вольно стоять тополям,
 А в лицо – жгущий взгляд: то в почёт, то в укор,
 Будто вспышкой сверкнул фронтовой фотокор.

Одинаков для всех, бедняков и владык,
 Этот огненный, трудный и честный язык.
 Держит колокол неба в набатных ночах,
 И созвездья лежат у него на плечах –

Он всегда на посту, вековечный Атлант,
 Словно точка отсчёта всех прочих констант,
 И когда часовые уходят домой,
 Одинокое пламя сражается с тьмой.

БРАТЬЯ

Есть у рая одна окраина:
Встанешь там — видишь ада тьму.
Эх, раскаянье, доля Каина,
Мне-то, Авелю, ты к чему?

Не сберёг от соблазна брата я...
Так вот скажешь — и не соврешь.
Только чья же рука всё прятала
От родителей чёрный нож?

Не укроешься за высотками
В мельтешенье чужих ночей.
Из одних были нитей сотканы,
Только брат ты теперь — ничей...

ЛЁД НА ЛОБ

Негусто августа осталось,
Дожди дожёвывают лето —
Ну что же, мне сполна досталось
С конфорки солнечной омлета.

И я по горло сыт хорами,
Что льются в ухо — о телесном.
Пришла пора в пустынном храме,
В холодной колоннаде леса

Держать свой пост — и одиноко
Растить в раздумье хлеб насущный.
Не ждать икон от жёлтых окон,
А средь столпов — искать несущий.

ГУМИЛЁВ И ВЫСОЦКИЙ

Нелёгко дикий мёд поэзии —
Но к чёрту сахарный сироп!
Сверкает истина на лезвии —
Чужом.
Летящем прямо в лоб!

Порой зажмут — никто не вызволит.
Но крикну, раненый: «Прикрой!» —

ДРУГУ

Смолкла песня, опереньем ворохнув,
Словно страхом смертным сжало острый клюв.
Вот и ты молчишь, дослушав до конца.
Прослезилось небо капелькой свинца.

А моя ещё летит, ещё поёт,
Но когда-то в клетку тоже попадёт —
Между рёбер трепыхнётся у меня,
Кровь польётся вместо слова соловья.

Но идёт ещё, просвистана до дыр,
В том театре, где седеет командир,
Наша драма —
 в наступленье —
 без финит —
И кольчугой песня русская звенит.

МОЛЕБЕН ЛЕСА

Нечем ветру позднему шуметь,
Шаря в опустевшем птичьем доме:
Роздал лес всё золото и медь
В грязные землистые ладони.

Чёрные распятия воздел:
Где же дождь, спасителен и хлебен?
... Как все мы, не знает свой удел,
И услышан будет ли молебен?

Но опять польются, возвратясь,
С высоты нездешние курлыки.
И взойдёт посеянное в грязь,
Чтоб узнать себя в небесном лике.

И, покрестив меня не издали,
Шагнут в любой железный рой:

Родивший Льва от мира плотского
Поэт, не дрогнувший ни в чём,
И сын полковника Высоцкого
С гитарой чёрной за плечом.